

зал:

– Я удивляюсь, бесчестный король, как ты можешь спать, когда дворец охвачен пожаром и в пламени погибли все твои прихвостни, исполнители придуманных тобой жестокостей и мерзких бесчинств. Странно мне и то, что ты спокоен, видя перед собой Гамлета, вооруженного кольями, которые он так давно и задолго наострил, а ныне готов расчитаться с тобой за гнусную измену моему отцу и сеньору!

Вот когда Фангон наконец убедился в лукавстве своего племянника! Он слышал разумную речь, а над головой его сверкал клинок, занесенный для удара. Король мигом вскочил с кровати и схватился за оружие, – но вместо его меча там висел меч Гамлета, вбитый намертво в ножны прислужниками Фангона по собственному его приказу; и пока он напрасно дергал за рукоять, Гамлет изо всех сил ударил его лезвием по шее, так что голова покатила на пол, и сказал:

– Вот заслуженная плата негодьям вроде тебя; им по справедливости полагается окающая смерть. Ступай в ад, и не забудь рассказать своему брату, безжалостно убитому тобой, что тебя прислал к нему его сын. Пусть бедная тень утешится среди вечно блаженных и не числит за мной долга за пролитую злодеем родную кровь, ибо ради этого я презрел узы родства, связывающие меня с тобой.

Да, поистине принц Гамлет был человеком отважным и мужественным. Достоин вечной хвалы тот, кто сумел под личиной хитроумного безумия и мудрого помешательства обмануть своей притворной глупостью стольких умников и хитрецов. Он не только уберег себя от козней и ловушек тирана, но измыслил новую, дотоле не слыханную кару и отомстил убийце своего родителя через много лет после преступления. Столь мудрая осмотрительность в соединении со смелостью и постоянством повергают людей рассудительных в колебания, ибо они не знают, чем более восхищаться: упорством ли и мужеством молодого человека или мудрой предусмотрительностью, какие он пустил в ход, чтобы привести в исполнение так давно задуманное возмездие. Если бывает вообще справедливая месть, то нет сомнения: любовь и жалость к отцу, несправедливо лишенному жизни, освобождают мстителя от осуждения за коварную хитрость. Возьмем историю Давида, царя святого и праведного, кроткого, учтвого, простого сердцем; но и он, умирая, завещал сыну своему и наследнику трона Соломону не дать умереть своей смертью некоему человеку, оскорбившему его.⁵³¹ И не подумайте, что царь Давид на пороге могилы, готовясь предстать перед высшим Судией, так уж заботился о мести; но он хотел дать урок грядущим поколениям, чтобы они знали: если задета честь венценосца, то кара за это не может считаться жестокостью и заслуживать порицания; напротив, она достохвальна и требует поощрения и награды.

Будь это неверно, ни знаменитые цари Иудеи, ни другие, более поздние властители не стали бы преследовать тех, кто оскорбил их отцов. Сам бог внушил им таковую обязанность. Об этом свидетельствуют и законы афинян, воздвигавших почетные статуи героям, которые отомстили за унижение и вред, причиненный республике, и смело предавали казни тиранов, пытавшихся нарушить благополучие граждан.

Совершив столь славную месть, принц Датский не решился сразу и прямо объявить народу о своем поступке и положил действовать хитрее и не спеша и постепенно разъяснить подданным причины, побудившие его на такие действия. Итак, окружив себя людьми, сохранявшими верность памяти его покойного отца, он стал ждать, что предпримут граждане, когда узнают о столь внезапных и устрашающих переменах. Жители близлежащих городов видели ночью столбы пламени над дворцом и наутро прислали ходоков узнать, что случилось. Обнаружив на месте дворца груды головешек, среди которых лежали обугленные трупы, горожане остолбенели. Даже стены не сохранились, весь дворец сгорел дотла. Каков же был ужас гонцов, когда они увидели окровавленные останки короля. Туловище лежало в одном месте, голова откатилась дальше. Некоторые возгорелись гневом, еще не зная, на кого; другие проливали слезы при виде столь горестного зрелища; третьи втайне радовались, не смея в том признаться; четвертые ужасались совершенным душегубством и оплакивали страшную смерть своего властелина. Но большинство граждан помнили об убиении короля Хорввендила и видели в случившемся справедливый суд богов, павший на надменную голову тирана. Вот сколь противоречивы были чувства, обуревавшие толпу. Никто не» нал, чего ждать, все словно оцепенели, не решаясь выразить свои чувства, ибо каждый дрожал

⁵³¹ Этим человеком, согласно библейскому рассказу, был Семей, сын Геры Вениамитянина из Бахурима, оскорбивший Давида, когда тот шел в Маханаим (см. Вторую книгу Царств, 16, 13).